

па: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh35/pdf/14.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

7. Sirota E. Особенности языковой репрезентации актуального членения предложения в единицах макро- и микросинтаксиса / E. Sirota, N. Mighirina // *Noua Revista Filologica, Anul 1.* –2010. – № 1–2. – P. 105–109.

8. Hardy T. *Tess of the d'Urbervilles*. Retold by Clare West / T. Hardy. – Oxford University Press, 1996. – 124 p.

9. Hardy T. *Tess of the d'Urbervilles* / T. Hardy. – London, 1993. – 360 p.

References

1. Anikst A. *Istoriya anglijskoj literatury*. Moscow, Uchpedgiz, 1956, pp. 352–360.
2. Akhmetova G. D. *Yazykovaya kompozitsiya khudozhestvennogo teksta (na materiale russoj prozy 80–90h godov XX veka)*. Moscow, 2003. 450 p.
3. Gardi T. *Tess iz roda d'Erbervillej*. – Moscow, Pravda, 1983. 385 p.
4. Ignatkina I. V., Logacheva M. I. Implitsitnost' vyrazheniya sintaksicheskikh sistemnykh svyazej v slozhnykh slovakh anglijskogo yazyka // *Almanakh sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 2012, № 5 (60), pp. 67–69.
5. Karasik V. I. *Recheyaya kommunikatsiya: diskursivnyj aspekt* // *Grani poznaniya*. 2013, № 1, pp. 23–33.
6. Leont'eva N. N. *Smyslovaya nepolnota ili negramotnost'?* (Gde, s kem i kogda uneslo lodku? Vzglyad pristol'nogo lingvista). – Available at: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh35/pdf/14.pdf>.
7. Sirota E., Mighirina N. *Osobennosti yazykovoy reprezentatsii aktual'nogo chleneniya predlozheniya v edinitzach makro- i mikrosyntaksisa* // *Noua Revista Filologica, Anul 1*, 2010, № 1–2, pp. 105–109.
8. Hardy T. *Tess of the d'Urbervilles*. Retold by Clare West. Oxford University Press, 1996. 124 p.
9. Hardy T. *Tess of the d'Urbervilles*. London, 1993. 360 p.

О ПЕРЕХОДЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ (на материале тюркских языков)

Мизиев Ахмат Магометович, кандидат филологических наук, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. Берберова, 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18, e-mail: kbig@mail.ru.

Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем тюркского языкознания – проблемам фразеологизации различных типов словосочетаний. Автор выявляет причину устойчивости сочетаний слов и их отношение к фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизация, устойчивость, лексикализация, изоляция, свободное сочетание, устойчивое словосочетание, фразеологически связанное значение, переносное значение, предсказуемость компонентов словосочетания или предложения

ABOUT TRANSITION OF WORD-COMBINATIONS IN PHRASEOLOGICAL UNITS (on a material of turkic languages)

Miziev Ahmet M., Candidate of Philological Science, Kabardino-Balkarian State University, 360004, Kabardino-Balkar Republic, Nalchik, Pushkin's st, 18, e-mail: kbig@mail.ru.

The article is devoted to one of the actual problems in the study of Turkic languages – a problem of phraseologization of different types of word combinations. The author reveals causes of stability of word combinations.

Keywords: phraseologization, stability, lexicalization, isolation, loose combination, stable combinations, phraseologically bound meaning, figurative meaning, predictability of components of a word combination or a sentence

Во фразеологические единицы (ФЕ) могут переходить как свободные, так и терминологические словосочетания. Решение вопроса о фразеологизации свободных словосочетаний невозможно без выявления основных признаков ФЕ.

Большинство фразеологов основными признаками ФЕ считает следующие: семантическую целостность, ограниченность в сочетании компонентов в составе ФЕ, переносность значения, образность значения (эмоционально-экспрессивное значение), устойчивость и невозможность буквального перевода на другие языки. Однако признаки, за исключением ограниченности в сочетании компонентов в составе ФЕ и переносности значения, оспариваются некоторыми исследователями [3, с. 70–72]. При этом в качестве основания выдвигаются следующие аргументы.

Известно, что номинативная функция характерна для всех словосочетаний: «Словосочетание... несёт ту же номинативную функцию, что и слово» [2, с. 8]. Поэтому многим свободным словосочетаниям, как и словам, свойственно единство смыслового содержания. Следовательно, семантическая целостность не является таким критерием, при помощи которого возможно было бы ограничить фразеологическое сочетание от свободного.

Образность значения свойственна большинству ФЕ, но функцию средства выразительности могут выполнять и слова. Поэтому образность нельзя считать основным признаком ФЕ. Не следует считать отличительным признаком ФЕ и невозможность буквального перевода их на другие языки на том основании, что этот признак характерен и для слов, особенно с переносным значением.

Сочетания слов с фразеологически связанными значениями являются одним из устойчивых свободных словосочетаний. Очень часто трудно ограничить такие сочетания от свободных, потому что устойчивость характерна и для многих свободных словосочетаний, например: карач.-балк. *къара къашла* «чёрные брови», *къызыл ууртла* «красные щёки», *шай къашыкъ* «чайная ложка» и др. Однако одной устойчивости недостаточно для того, чтобы безоговорочно относить все сочетания слов, характеризующиеся устойчивостью, к фразеологическим.

Устойчивость как отличительное свойство ФЕ признаётся почти всеми исследователями фразеологии. Однако они по-разному определяют её. Большинство фразеологов понимают устойчивость ФЕ либо как предсказуемость компонентов, либо как воспроизводимость их, т.е. стабильность употребления.

Предсказуемость компонентов означает, что один элемент ФЕ предсказывает совместное появление остальных её элементов. Например, в карачаево-балкарском языке в выражении *тюнкеси юзюлдю* «он сильно истощал, ослабел», слово *тюнке* предсказывает следующее слово *юзюлдю*, в киргизском языке в сочетании *ого бетер* компонент *ого* – второй компонент *бетер*. Устойчивость возможна по двум и более элементам. Например, в карачаево-балкарском языке ни один из элементов предложения *арт этегин аллына къапла* не предсказывает появления остальных, но сочетание *арт этегин* предсказывает их.

Тем не менее, предсказуемость вряд ли можно считать существенным признаком фразеологичности словосочетания или предложения, поскольку ею могут обладать и многие пословицы и поговорки¹, например, карач.-балк. *жетти енчеле да бир кес* «семь раз отмерь, один раз отрежь»; узбек. *къызим, сенга айтаман, келиним, сен эшит* «тебе говорю, дочка, а ты, невестка, слушай»; башкир. *алмагъан айыудынг тирекен тунамайзар* «не говори гоп, пока не перепрыгнешь» и др. Мы разделяем точку зрения В.В. Виноградова, А.М. Бабкина, Л.И. Ройзензона, В.М. Мокиенко, И.Б. Голуб, В.Н. Телия и других исследователей фразеологии, считающих устойчивость ФЕ как воспроизводимость в готовом виде. При этом, учитывая, что стабильность употребления ФЕ часто может нарушаться, следует согласиться с В.М. Мокиенко, который под фразеологической устойчивостью понимает «...относительно стабильное употребление сочетания слов» [5, с. 7].

¹ Как и большинство современных исследователей фразеологии, эти языковые единицы мы не относим к фразеологии.

Среди многих работ, авторы которых под устойчивостью ФЕ понимают относительную стабильность компонентов, особое место занимают работы А.М. Бабкина, который считает, что активная мобильность ФЕ не просто художественное новаторство, а закономерное проявление «известной гибкости и диалектичности их живого употребления» [1, с. 9].

Определение объёма фразеологии прежде всего зависит от разграничения ФЕ и свободных словосочетаний, поэтому необходимо всесторонне сопоставить устойчивые и свободные сочетания слов: со стороны грамматики, со стороны семантики и со стороны лексического состава.

Синтаксическими особенностями, отличающими устойчивые словосочетания от свободных, признаются:

- 1) ослабление синтаксических связей между словами в устойчивых словосочетаниях;
- 2) синтаксическая неразложимость устойчивых словосочетаний.

Однако устойчивые сочетания слов, сохраняющие ту же синтаксическую функцию, что и свободные, сохраняют характер и вид синтаксических связей между словами полностью, например: карач.-балк. *бугьумуч ойна* «играть в прятки», киргиз. *ач ичегги* «тонкие кишки (у животных)»; татар. *сукыр эчэк* «слепая кишка» и др.

С одной стороны, не все устойчивые словосочетания характеризуются синтаксической неразложимостью. Например, терминологические словосочетания и словосочетания с фразеологически связанными значениями слов синтаксически разложимы: карач.-балк. *кьара ишхилди* «черника», *кьургьакь сёз* «пустое (букв. «сухое») слово»; узбек. *темир интизам* «железная дисциплина», *техник мой* «техническое масло» и др. С другой стороны, нередки случаи, когда свободные словосочетания представляют собой синтаксически неразложимые целые и являются одним членом предложения, например: киргиз. *саат сатын* «с каждым часом», *жүзгө жакын* «около ста»; карач.-балк. *бир кьауум адам* «несколько человек», *он минут чакьлы* «минут с десять» и др. Это говорит о том, что устойчивые сочетания в грамматическом отношении не имеют специфических особенностей, которые можно было бы рассматривать в качестве отличительного признака при разграничении их со свободными сочетаниями.

В толковых словарях тюркских языков сочетания с фразеологически связанными значениями слов, в которых имеются слова с переносным значением, довольно часто регистрируются как ФЕ, например: *олтин адам* «золотой человек», *кьора металллар* «чёрные металлы» (ТСУЯ); *дили бай* «богатый язык», *гуры сёз* «пустое слово» (ТСТЯ¹), *татыксыз турмуш* «безотрадная жизнь» (ТСКЯ¹) и др. Основным признаком ФЕ признаётся наличие в словосочетаниях слов с переносным значением. Это приводит к игнорированию того, что слова, помимо основного значения, могут приобретать переносное значение, употребляться образно. Несмотря на то что устойчивые сочетания, имеющие слова с переносным значением, отличаются от свободных словосочетаний некоторой связанностью в употреблении, в них нет лексической неделимости, идиоматичности. Отличие сочетаний с фразеологически связанными значениями от ФЕ заключается в том, что в первых в переносном значении выступает один из компонентов, а вторые целиком переносны, поэтому сочетания с фразеологически связанными значениями слов не являются ФЕ.

Многие слова в определённом лексическом окружении приобретают новые значения. Эти значения принято называть обусловленными. В ряде толковых и тюркско-русских словарей сочетания с обусловленным значением квалифицируются как ФЕ, например: *мейлис гурмак* «организовать вечеринку», *сохбет гурмак* «организовать беседу», *даг басмак* «оставить клеймо», *йыл бойы* «на протяжении года» (ТСТЯ¹, ТРС¹), *техник редактор* «технический редактор», *техник котиб* «технический секретарь», *темир ирода* «железная воля» (ТСУЯ, УРС), *енгбегин акьтады* «оправдал труд», *дэм-турын акьтады* «оправдал хлеб-соль» (КРС¹, ТСКЯ¹). В действительности же в сочетаниях приведённого типа нет никакой фразеологичности. Здесь слова *гурмак*, *боты*, *басмак*, *техник*, *темир*, *акьта* в сочетании со словами *мейлис*, *сохбет*,

даг, йыл, редактор, котиб, ирода, енибек, дэм-туз приобретают новые значения: (*мейлис, сохбет*) *гурмак* «организовать, строить (вечеринку, беседу)», *йыл (бою)* «на протяжении года», (*даг*) *басмак* «ставить (клеймо)», *техник (редактор, котиб)* «технический (редактор, секретарь)», *темир (ирода)* «железная (воля)», (*сенимди, енгбегин, дэм-тузын*) *актады* «оправдать (доверие, труд, хлеб-соль)».

В названных словарях за ФЕ выдаются не только сочетания со словами с переносным и обусловленным значениями, но и многие сочетания слов с прямыми номинативными значениями, например: *сапак бермек* 1. «давать уроки, преподавать», *сес бермек* 1. «голосовать за кого-л. (поднятием руки)» (ТСТЯ¹, ТРС¹), *кеч кўз* «поздняя осень», *шум хабар* «плохая весть» (ТСУЯ, УРС), *актёрлик ёнер* «актерская профессия», *ат кьора* «загон для лошадей», *бесті ат* «пятигодовалый конь» (ТСКЯ², КРС²).

Заслуживают внимания обильно представленные в тюркских языках устойчивые словосочетания с установившимися, ставшими языковыми штампами сравнениями: карач.-балк. *ит бла киштик кибик (киштикча)* «как собака с кошкой», *союп кьаплагьанлай (кьаплагьан кибик, кьаплагьанча)* «словно вылитый, очень похожий», *кёк бла жер кибик* «как собака на сене», *талчыбыгы кебек (чыбыгындай)* «тонкий как ивовый прут; стройный»; башкир. *урта бармакь кејек* букв. «как средний палец» (о красивом и стройном человеке), *укълау йоткъан кејек* «словно аршин проглотил», *уткъа баскъан бэсэй шикелле* «как ужаленный» (букв. «как кошка, наступившая на огонь») и многие другие. В отличие от фразеологических сращений (идиом) образность здесь создаётся входящими в сравнительную конструкцию словами, которые употребляются в прямом значении [4, с. 45].

Вслед за некоторыми исследователями тюркской фразеологии, например, З.Г. Уракиным [7, с. 31–33, 62–63, 78–79], подобные лексически неделимые и обладающие цельностью значения сравнительные обороты мы относим к сфере фразеологии. Однако ни в инструкциях по составлению общих словарей тюркских языков, ни во введении к последним ничего не говорится о включении или невключении сходных оборотов в эти словари. Тем не менее в некоторых из этих словарей, например, в ТСТЯ², ТРС², ТСАЯ, АРС и ТСУЯ, УРС, сравнительные обороты зафиксированы как ФЕ в довольно большом количестве. Однако фразеологичность некоторых из сравнительных оборотов, помещенных в ТСАЯ, АРС и ТСТЯ², ТРС², вызывает сомнение. Это в основном обороты, состоящие из двух компонентов, типа азерб. *дирэк кими* «высокий» (букв. «как дерево»), *јун кими* «мягкий» (букв. «как шерсть»), *зэнчир кими* «как цепочка»; татар. *ташбака тьсле (кебек)* «об очень медленном передвижении» (букв. «как черепаха»), *ук кебек* – 1) «стрелой, стремглав, очень быстро», 2) «острый» и др.

Трудно также согласиться с З.Г. Уракиным, относящим к фразеологии обороты типа *јез кејек* «упрямый» (букв. «как вол»), *шэм кејек* «стройный» (букв. «как свеча») и др. [7, с. 62–63]. Подобных сравнительных оборотов в каждом из тюркских языков сотни, и вряд ли можно оправдать их отнесение к фразеологии, так как в них нет той метафоричности, цельности значения, которые имеются в сравнительных конструкциях, приведённых выше. К тому же второй компонент этих сравнений при сохранении своего исходного лексического значения может свободно сочетаться с любым именем.

На основании того, что главным признаком фразеологичности словосочетаний считается их эквивалентность к словам, к ФЕ некоторые исследователи относят все лексикализованные сочетания [6, с. 93]. Однако это мнение, видимо, нуждается в пересмотре. Например, значение лексикализованных словосочетаний типа карач.-балк. *акъ кьайын* «белая береза», *доклад эт* «делать доклад» и т.п. выводится из значений слов-компонентов, поэтому их нельзя рассматривать как отличные от свободных. На примере того, что фразеологизация во многих случаях сопровождается лексикализацией и лексикализованные словосочетания так же, как и ФЕ, характеризуются устойчивостью, видно, что процесс лексикализации смешивается с фразеологизацией. Тот факт, что лексикализоваться могут как свободные словосочетания, так и несвободные (ФЕ), говорит о том, что лексикализация словосочетаний не является

основным и специфическим признаком фразеологичности. Появление фразеологичности очень часто приводит к лексикализации словосочетаний. Но при лексикализации, как уже отмечалось, фразеологичность их совсем не обязательна. Не является обязательной и лексикализация при фразеологизации. Следовательно, ФЕ не всегда равноценны словам, они могут быть эквивалентами свободных словосочетаний и предложений.

Таким образом, необходимо отличать фразеологическую устойчивость (устойчивость, вызванную фразеологизацией) от лексической устойчивости (устойчивости, вызванной лексикализацией).

На основании всего изложенного можно утверждать, что не все устойчивые сочетания являются ФЕ, большинство из них – обычные сочетания по своей семантической структуре. Причинами устойчивости свободных словосочетаний являются лексикализация, грамматикализация, ограниченная сочетаемость слов и др. Однако, кроме устойчивости, они не имеют ничего общего с ФЕ. Из всех устойчивых сочетаний только лексически неделимые сочетания являются ФЕ. Лексическая неделимость в большинстве случаев возникает в результате переосмысления сочетаний слов или в результате наличия в составе сочетания слов, иначе не употребляемых в языке.

Список литературы

1. Бабкин А. М. Русская фразеология ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Ленинград, 1970. – 219 с.
2. Виноградов В. В. В основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. – Москва, 1977. – С. 140–161.
3. Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц / Е. А. Иванникова // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – Москва – Ленинград, 1964. – С. 54–75.
4. Корнев А. И. Роль устойчивых словосочетаний в развитии семантики слова / А. И. Корнев // Современная русская лексикография. – Ленинград, 1981. – С. 82–96.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – Москва, 1989. – 304 с.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – Москва, 1967. – 268 с.
7. Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Москва, 1975. – 204 с.

References

1. Babkin A.M. Russkaja frazeologija ee razvitie i istochniki. Leningrad, 1970. 219 p.
2. Vinogradov V.V. V osnovnyh tipah frazeologičeskikh edinic v russkom jazyke // Izbrannye trudy: Leksikologija i leksikografija. Moscow, 1977, pp. 140–161.
3. Ivannikova E.A. Ob osnovnom priznake frazeologičeskikh edinic // Problemy frazeologii. Issledovanija i materialy. Moscow, Leningrad, 1964, pp. 54–75.
4. Kornev A. I. Rol' ustojchivyh slovosoczetanij v razvitii semantiki slova // Sovremennaja russkaja leksikografija. Leningrad, 1981, pp. 82–96.
5. Mokienko, V.M. Slavjanskaja frazeologija. Moscow, 1989. 304 p.
6. Reformatskij, A.A. Vvedenie v jazykovedenie. Moscow, 1967. 268 p.
7. Uraksin Z. G. Frazeologija bashkirskogo jazyka. Moscow, 1975. 204 p.

Список сокращений названий словарей

- АРС – Азербайджанско-русский словарь. – Баку, 1962.
КРС¹ – Киргизско-русский словарь. – М., 1965.
КРС² – Казахско-русский словарь. – Алма-Ата, 1989.
ТРС¹ – Татарско-русский словарь. – М., 1966.
ТРС² – Туркменско-русский словарь. – М., 1968.
УРС – Узбекско-русский словарь. – М., 1959.
ТСАЯ – Толковый словарь азербайджанского языка. – Баку, 1966 (I), 1980 (II).
ТСКЯ¹ – Толковый словарь киргизского языка. – Фрунзе, 1969.

ТСКЯ² – Толковый словарь казахского языка : в 10 т. – Алма-Ата, 1974–1986.
ТСТЯ¹ – Толковый словарь туркменского языка. – Ашхабад, 1962.
ТСТЯ² – Толковый словарь татарского языка : в 3 т. – Казань, 1977–1981.
ТСУЯ – Толковый словарь узбекского языка : в 2 т. – М., 1981.

СЛЫШАЩИЙ В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА ВОСПРИЯТИЯ

Тариева Лилия Увайсовна, кандидат филологических наук, Ингушский государственный университет, 386102, Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Х.-Б. Муталиева, 6, e-mail: Tarieva0@mail.ru.

В данной статье репрезентируется лицо Слышащее как один из компонентов парадигмы лиц, релевантных для ингушского прономинативного языка. Лицо Слышащее интенционально и как десигнатор языкового знака возникает на базе онтологического свойства «слышание» при рефлексивном режиме интерпретации речевой ситуации.

Ключевые слова: лицо Слышащее, парадигма лиц, интенциональность, субъект восприятия, аффектив, картина мира

HEARING AS THE SUBJECT OF PERCEPTION

Tarieva Lilija U., Candidate of Philology, Ingush State University, 386102, Republic of Ingushetia, Magas, 6 H.-B. Mutaliyev St., e-mail: Tarieva0@mail.ru.

This article represents the Hearing person as one of the components of paradigm of persons relevant to ingush pronominate language. The Hearing person intentionally and as designator of language sign appears on the basis of ontological properties of “hearing” in reflexive mode of interpretation of speech situation, paradigm of “persons”, intentionality.

Keywords: Hearing person, paradigm of “persons”, intentionality, subject of perception, affective, picture of the world

Синхронно в ингушском эргативном языке наличествует категория «лицо Слышащее», включённая в понятие имманентного Хоалу саг / человека чувствующего [8, с. 41], или субъекта восприятия. Лицо Слышащее, как нам представляется, должно быть введено в обиход лингвистического исследования эргативных языков, не только ингушского, но и других нахских.

В ингушском языке на основе рефлексивного режима интерпретации канонической речевой ситуации репрезентируется ряд лиц: лицо Созерцающее, лицо Говорящее, лицо Произносящее и лицо Слышащее, которые, согласно терминологии в [9, с. 445], могут быть названы первичными «эгоцентриками». Каждый отдельный компонент парадигмы лиц на поверхностном уровне различается языковыми средствами, т.е. оформлением именной группы.

Позиция лица Слышащего в иерархии последовательно представленных лиц четвертая, вслед за лицом Произносящим, каузирующим Слышащего, т.е. выступающим его стимулом.

Лицо Слышащее как десигнатор языкового знака категоризируется на основе априорного свойства «слышание», имманентно присущего одушевлённому денотату реальной действительности, и направленного на акустическое восприятие объективного мира (*Сона (AFF) хоз / Я слышу*).

Механизм возникновения лица Слышащего базируется на онтологическом свойстве «слышание», категоризация которого обусловлена трансценденцией данного объективно существующего свойства в субъективный языковой знак, оформленный соответствующей именной группой (*Сона (AFF) хоз / Я слышу; Сона (AFF) тата хоалу / Я воспринимаю стук*).